

Янь Сянфэй был полностью с этим согласен: он ни за что не позволил бы Цзи Фаню подвергать себя опасности в одиночку, даже если тот лично пообещает ему, что всё пройдет абсолютно безупречно.

Чайная «Юфан» наконец-то, к всеобщему долгожданному удовольствию, обосновалась в столице. По сравнению с другими заведениями она по-прежнему держалась особняком, расположившись в тихой пригородной зоне, вдали от городского шума и суеты. О живописных окрестностях и говорить не приходилось — трехэтажный домик чайной сам по себе был прекрасным зрелищем. Гармонично сливаясь с окружающим пейзажем, он выглядел невероятно умиротворенно.

В день своего открытия чайная «Юфан» была набита до отказа. Одни посетители раньше лишь слышали о ее славе, другие же действительно наслаждались сервисом этого заведения во время своих странствий. К какой бы категории они ни принадлежали до того, как переступить порог, внутри все единодушно засыпали чайную хвалебными отзывами. Особенно в столице практически каждый знал, что за спиной этого заведения стоит такая великая фигура, как Ван Сянь. Даже если бы люди приходили сюда лишь ради того, чтобы угодить ему, они всё равно с радостью соглашались посидеть в этой чайной.

Ещё с самого первого дня работы чайная встала на правильные рельсы. Подобные методы ведения дел казались людям той эпохи настоящим чудом. Конечно, такое чудо могло процветать только в эту эпоху. Начнись подобное в том шумном мегаполисе, где жил Цзи Фань, хотя такая чайная тоже стала бы неплохим местечком, ей бы ни за что не удалось развиваться до нынешних масштабов.

Кому-то радость, кому-то горе. Пока Цзи Фань преуспевал в коммерческих делах, Гу Хаоцин, видевший в нем злейшего врага, сидел как на иголках. Он тоже велел своим людям купить в чайной «Юфан» немного еды и сладостей. Если не попробуешь сам, то, естественно, и не поймешь, насколько велика разница; стоило же ему отведать угощения, как всё стало очевидно.

Что уж говорить о популярности чайной «Юфан» — даже в плане еды его собственный ресторан не мог с ней тягаться! У него в распоряжении действительно было немало рецептов, но в прошлой жизни он вовсе не был поваром. Будучи затворником, он готовил эти блюда лишь для себя дома, так что было вполне нормально, что по вкусу они уступали творениям мастеров. Вот только он никак не ожидал, что здесь, в древности, стряпня простой деревенской женщины окажется лучше, чем у профессионалов...

В резиденции Ван Сяня пейзаж во внутреннем дворе тоже отличался уединенностью и тишиной, в нем было куда меньше дворцовой роскоши. Однако всё в оформлении этого двора стоило баснословных денег, что красноречиво говорило о высочайшем благородстве хозяина. Дело было вовсе не в отсутствии роскоши — просто эта роскошь была сдержанной, без показухи, но при этом невероятно изысканной. Будучи хозяином этой резиденции, ван Сянь Янь Сянфэй в этот момент сидел во дворе. В воздухе смешивались ароматы свежей травы и благоухание бесчисленных цветов. В руке он держал сборник путешествий и время от времени доставал из стоявшей на столе тарелки с закусками одно лакомство, но отправлял его не себе в рот, а подносил к губам Гу Хаояня.

На шезлонге рядом с Янь Сяньфэем с комфортом полулежал юноша, тоже листающий книгу о путешествиях. Периодически он протягивал её Янь Сяньфэю — не было никаких сомнений, что на той странице, на которую он указывал, речь шла о какой-нибудь еде.

Янь Сяньфэй, обычно страстно любивший вкусную еду, лишь бегло бросал взгляд на страницы. Его голодный взгляд то и дело скользил по телу Гу Хаояня: от стройного стана до белой кожи, открытой в вырезе одежды. Он прекрасно помнил, какими чарующими были наощупь ладони юноши, чуть меньше его собственных. От его округлых кончиков пальцев Янь Сяньфэю до слёз хотелось притянуть эту руку к губам и начать её облизывать.

Выше по руке — слегка дрожащий кадык и вишнёво-красные губы. Для него это было поистине непреодолимым искушением. За последние дни он уже не раз легко и поверхностно касался их, но так и не решился по-настоящему узнать, каков на вкус страстный поцелуй. Гу Хаоянь то приближался к нему, то отдалялся, словно стремясь и в их чувствах держать всё под собственным контролем. Этот маленький лис отроду не любил терять почву под ногами.

Впрочем, Янь Сяньфэй ничуть не переживал по этому поводу. В любовных делах тот, кто влюбляется первым, обычно оказывается в проигрыше, а кто сильнее привязывается — теряет инициативу. У него присутствовало и то, и другое. Похоже, в этой игре чувств он проиграл. Но разве возможность вот так запросто заключить любимого в объятия и даже вкусить сладость его губ — разве это поражение не оборачивалось победой?

Если бы в любви действительно можно было так скрупулёзно подсчитывать выигрыши и проигрыши, это чувство перестало бы быть любовью. Пока он обладал им, в его сердце жила лишь радость.

Янь Сяньфэй протянул руку и привлёк Цзи Фаня к себе в объятия. Устроившись в более мягких и удобных, чем плетёное кресло, объятиях, Цзи Фань беззастенчиво устроился поудобнее. Между делом он прихватил со стола кусочек сладости и поднёс к губам Янь Сяньфэя в качестве награды.

Янь Сяньфэй проглотил угощение, а кончиком языка провёл по округлым кончикам пальцев Цзи Фаня. Слизав последние крошки печенья, он оставил на чужих пальцах влажный блеск. Губы Цзи Фаня чуть изогнулись, и в уголках глаз промелькнула улыбка — очевидно, он уже привык к выходкам Янь Сяньфэя. Хотя Янь Сяньфэй вовсе не стремился форсировать события и доводить всё до конца прямо сейчас, каждое его действие так или иначе выдавало собственнические замашки. Мало того, что он вошло в привычку единолично занимать его постель, так еще и обычные объятия и прикосновения стали повседневностью. И он даже не пытался скрываться — ему оставалось разве что открыто заявить всем об их отношениях.

Янь Сяньфэй слегка увлажнил пальцы водой, но взгляд его сам собой скользнул к губам Цзи Фаня.

— Разве у тебя совсем не осталось никаких важных дел, Янь Сяньфэй? — Взгляд Янь Сяньфэя сделался настолько горячим, что Цзи Фань просто не мог его игнорировать. На людях этот

человек всегда держался безупречно и элегантно, сохраняя образ благородного мужа. За последние полгода совместной жизни Цзи Фань тоже успел заметить, скольким же трепетом тот относится к этикету. Но почему же сейчас он ведет себя подобно охваченному жаждой дикому зверю, совершенно не умея себя сдерживать? И сам Цзи Фань, судя по всему, был для него лакомым кусочком, на который тот положил глаз.

— Я считаю, что сейчас как раз и занимаюсь самым важным делом. Нет ничего более правильного и серьезного! — Лицо Янь Сянфэя было смертельно серьезным, и незнающий человек легко мог бы поверить, что он говорит чистую правду. Янь Сянфэй слегка подался вперед, соприкасаясь тонкими губами с губами Цзи Фаня. Эта мягкость, наполненная теплом и дыханием Цзи Фаня, сводила его с ума. Впрочем, он пока ограничивался лишь легким соприкосновением губ, не предпринимая дальнейших шагов.

В глазах Цзи Фаня мелькнул огонёк, и он небрежно отбросил дорожные записки в сторону. Одним резким движением он прижал Янь Сянфэя к сиденью, а рукой зафиксировал его затылок, углубляя поцелуй. Когда дело касалось подобного, мужчины от природы обладали определенной сноровкой, это верно. Однако в вопросах техники Янь Сянфэй, живший в эту эпоху и не имевший никакого опыта, поистине не мог тягаться с Цзи Фанем, который провел юность в век всеобщего доступа к информации, где в сети можно было найти абсолютно всё.

Янь Сянфэй никак не ожидал, что Цзи Фань перейдет в контратаку столь неожиданно, но в то же время счел это вполне естественным. Если бы тот послушно лежал в его объятиях, позволяя делать с собой всё, что вздумается, Янь Сянфэй, пожалуй, еще усомнился бы, действительно ли перед ним Цзи Фань. Единственное, чего он никак не предполагал, — так это того, что этот человек окажется настолько искушен в искусстве интимной близости. Не будь он заранее осведомлен о прошлом Цзи Фаня благодаря наведенным справкам, он, пожалуй, всерьез бы в чем-то засомневался. Однако теперь, когда он больше не сомневался, это вовсе не значило, что он готов смириться с подобным давлением. Янь Сянфэй слегка применил ловкую сноровку и заставил Гу Хаояня снова откинуться на шезлонг. Плетёный стул скрипнул под весом двух взрослых мужчин. На мгновение дыхание у обоих стало учащённым.

— Молодой господин Гу, вам тут письмо передали! — голос раздался раньше, чем показался сам человек. Вошедший стражник, увидев их в таком положении, искренне пожалел, что не может провалиться сквозь землю. Он помешал ванские утехам — интересно, не грозит ли ему за это какая-нибудь смертельная опасность? Молодой господин Гу, спасите!

Цзи Фань протянул руку и оттолкнул грудь Янь Сянфэя. На самом деле всё было вовсе не так ужасно, как вообразил себе стражник. Даже если бы тот не вошёл, они бы в любом случае не стали заниматься ничем подобным посреди бела дня. Это прекрасно понимал Цзи Фань, и точно так же это понимал Янь Сянфэй.

— Неси сюда! — опередив Цзи Фаня, приказал Янь Сянфэй. Его голос звучал ещё ниже, чем обычно, с хрипловатой чувственностью. В таком состоянии Цзи Фань выглядел ничуть не лучше. Янь Сянфэй инстинктивно не хотел, чтобы Цзи Фань сам подавал голос, не желая, чтобы кто-то ещё услышал его в таком звучании.

То место, где он стоял, удачно заслоняло Цзи Фаня от взгляда стражника, так что посторонний не мог заметить покрасневшихся щёк Цзи Фаня и влажного блеска его затуманенных глаз. В его глазах такой Цзи Фань был поистине сродни яду. Из тех ядов, что смертельно опасны, но выпить которые всё равно хочется.

Стражник обеими руками протянул письмо Янь Сяньфэю, и тот махнул рукой, веля ему убираться. Оглядев конверт со всех сторон и убедившись, что в нём нет никакого подвоха, Янь Сяньфэй передал письмо Цзи Фаню.

Цзи Фань взял послание, развернул и прочитал от начала до конца, а на его губах заиграла улыбка с лёгким оттенком праздного любопытства.

— Письмо от Гу Хаоцина? О чём он пишет? — по выражению лица Гу Хаояня Янь Сяньфэй уже примерно догадывался. Кроме Гу Хаоцина, мало кто мог заставить Гу Хаояня проявить такой интерес.

— Перед тем как открыть чайную «Юфан», я как-то раз попросил его разузнать рецепт тех османтусовых пирожных, что несколько лет назад стряпал один из мастеров семьи Гу! — Цзи Фань с загадочной улыбкой взглянул на Янь Сяньфэя: даже если бы он промолчал, Янь Сяньфэй рано или поздно всё равно бы обо всём узнал. И он прекрасно знал, что с тех пор, как Гу Хаоцин открыто проявил к нему враждебность, за ним, пожалуй, следили даже в отхожем месте, не выпуская из виду ни на секунду. Гумно, — с легкой улыбкой произнес Цзи Фань, и голос его звучал совершенно обычно.

Улыбка на губах Гу Хаоцина слегка застыла. До того как Цзи Фань покинул семью Гу, он почти всегда обращался с ним как с глупцом и всячески насмехался над ним. Кто бы мог подумать, что теперь колесо фортуны повернется, и любые слова этого дурака смогут заставить его лишиться дара речи. И впрямь, чего только не смогли бы приготовить императорские повара?

Стоило им получить те рецепты, что он записал, как они не просто приготовили блюда, но даже усовершенствовали их. Вкус тех кушаний ничуть не уступал тому, что подавали в тех крупных ресторанах, куда в своей прошлой жизни он заходил всего пару раз. Тот ван действительно поступил так, как он и предсказывал: заставил придворных поваров на какое-то время обосноваться в чайной «Юфан», чтобы те обучили местных кулинаров... Стоило лишь подумать о том, что всё это могло принадлежать ему, но было нагло отнято Гу Хаоянем, как он испытывал сильнейшее раздражение.

Всё это скоро закончится! Стоит лишь этому Гу Хаояню умереть, как он, младший брат по прямой линии, естественным образом станет главным претендентом на управление чайной. Ван Сянь всегда сторонился мирских дел, а главной причиной его помощи чайной был именно Гу Хаоянь, так что у него не останется особого повода оспаривать ее у него.

Пусть Ван Сянь и недолюбливает его, Гу Хаоцина, но он в конце концов брат Гу Хаояня, и до крайних мер дело не дойдет. Теперь-то он понимает, что поддерживать напускные братские узы с Гу Хаоянем было поистине мудрым решением.

— Императорские повара готовят изысканно, но из-за этого порой теряется часть истинного вкуса! — Гу Хаоцин провел Гу Хаояня наверх, в свой личный кабинет. — Если старший брат после дегустации все же сочтет этот вкус лучшим, я попрошу повара записать рецепт, и вы сможете забрать его с собой!

— М-м. А это угощение я принес из поместья Ван Сяня, творения рук придворных поваров! Те

рецепты, что ты когда-то передал во дворец, они немного доработали. Получилось даже вкуснее, чем в ресторанах, я специально захватил порцию, чтобы ты отведал! — Цзи Фань поманил стражника, и тот торопливо откинул крышку, поочередно выставляя на стол блюда из походного ларца.

В глазах стражников Гу Хаоян, безусловно, стоял много выше Гу Хаоцина, так что расставлять тарелки сначала перед Гу Хаоянем было совершенно естественным.

— Что ж, сегодня мне поистине посчастливилось отведать изысканных блюд! — Гу Хаоцин уже пробовал эту еду раньше, но, разумеется, не мог признаться, что тайком засылал людей в чайную «Юфан», чтобы купить и отведать тамошние угощения! Это было бы слишком унижительно!

— Молодой господин, ваша сладость с османтусом! — слуга толкнул створку двери кабинета, неся в руках блюдечко с тщательно приготовленными конфетами из цветков османтуса.

— Подайте старшему брату! — улыбка на губах Гу Хаоцина стала чуть искреннее, он проследил глазами, как слуга поставил угощение перед Гу Хаоянем. — Разве ты не ждал этого с таким нетерпением, старший брат? Попробуй кусочек!

— Хорошо. — Цзи Фань без малейших колебаний взял сладость и отправил в рот. Вкус действительно оказался отменным, но ничем не отличался от обычных конфет с османтусом. Гу Хаоцин добавил в них лишь одну «морозную отраву», не примешивая «порошок османтуса», который Гу Хаоян принимал с самых малых лет.

Это вовсе не означало, что Гу Хаоцин проявил хоть капельку милосердия и воздержался от двойного яда. Просто он опасался, что при смешивании двух ядов может произойти непредсказуемая реакция. К тому же, по его мнению, одной смертельной отравы было более чем достаточно, чтобы свести в могилу и без того слабое здоровье Гу Хаояня, и не было нужды делать лишние движения.

Разумеется, перед тем как отравить брата, он не стал проверять яд на подлинность, а потому и не знал, что тщательно спряженный им яд люди Янь Сяньфэя давным-давно заменили обычной мукой. Что же касается настоящего яда...

— Старший брат, ну как тебе вкус этих сладостей? — увидев, что Гу Хаоян проглотил конфету, Гу Хаоцин внутренне возликовал. Хотя тот съел всего один кусочек, этого было более чем достаточно. Тот яд и впрямь отличался невероятной силой. И назвали его «морозным» лишь потому, что внешне его проявления в точности походили на обычную простуду, а смерть наступала лишь спустя полтора-два десятка дней тяжких мучений. И до самого конца никто не догадался бы, что человека отравили. Торговец с черного рынка уверял, что это секретный рецепт из императорских покоев, за который не жалко отдать тысячу золотых!

— Неплохо, впрочем, наверняка прошло слишком много времени, и прежнего вкуса я уже не чувствую. Выходит, Хаоцин, ты зря хлопотал! — с легким вздохом Цзи Фань отставил тарелку

со сладостями, небрежно подцепил палочками кушанье с стоявшего перед ним блюда и отправил в рот.

— Ничего страшного, для меня, твоего младшего брата, великая честь послужить старшему брату, ешь побольше! — Гу Хаоцин тоже зачерпнул еды и положил в тарелку Цзи Фаня, а тот принимал всё без отказов.

— Не заботься обо мне, эти блюда принесли специально для тебя, отведай-ка сам. Если что-то не понравится, можешь сказать. Пусть придворные повара еще поломают головы, всё равно бездельничают. — Цзи Фань проглотил еду, ведя себя так непринужденно, словно и впрямь трапезничал у себя дома.

На мгновение Гу Хаояню показалось, что с едой что-то не так, но, глядя на беззаботного Цзи Фаня, он решил, что у него вновь развилась подозрительность. Он снова попробовал одно из блюд — без сравнения было невозможно заметить разницу, но стоило их сопоставить, как становилось очевидно, что стряпня в ресторане семьи Гу и впрямь сильно проигрывает.

Закончив совместный завтрак, Гу Хаоян вернулся в поместье Ван Сяня. Гу Хаоцин бросил взгляд на сновавших туда-сюда посетителей ресторана и проникся к своему заведению еще большим презрением. Теперь его целью была чайная «Юфан». Получив в свое распоряжение тамошних мастеров, он сумел бы значительно расширить дело.

Этот Гу Хаоян и впрямь глупец: при такой невероятной популярности чайной «Юфан» он даже не удосужился открыть новые филиалы — сколько же прибыли он упустил! Достанься чайная ему, он бы за короткое время удвоил доходы!

В его воображении уже рисовались картины блистательного будущего, и он приказал людям неустанно следить за малейшими движениями в поместье Ван Сяня. И действительно, не прошло и двух дней, как поползли слухи: в поместье Ван Сяня спешно вызвали императорского лекаря.

— Апчхи! — прислушиваясь к докладу слуги Ли Дуна и испытывая внутреннее ликование, он вдруг громко чихнул.

— Молодой господин, неужто вы простудились? — рассказывавший что-то Ли Дун мгновенно умолк. Он взял со стола чайную пиалу и налил Гу Хаоцину воды.

— Пустяки, продолжай! — не придавая этому значения, бросил Гу Хаоцин и тут же переспросил: — Ты уверен, что заболел именно старший брат? Не Ван Сянь?

— Точно не ван! Ван Сянь занимается боевыми искусствами, здоровье у него отменное! Говорят, старший брат ночью не укрылся одеялом и застудил простуду! — Ли Дун говорил с абсолютной уверенностью, ведь за ним числилось немало безошибочно добытых в столице новостей.

— Апчхи! — Гу Хаоцин хотел было что-то добавить, но стоило ему открыть рот, как его снова пробрал чих, и он почувствовал, что в носу отчетливо заложило.

— Молодой господин, давайте все же позовем лекаря осмотреть вас! — встревожился Ли Дун.

— Тогда приведи кого-нибудь надежного! — Гу Хаоцин слегка нахмурился. Быть может, всё дело было в только что подсыпанном человеку яде, но теперь он испытывал суеверный страх перед любыми симптомами простуды и лихорадки, способными перерасти в нечто худшее. И впрямь, впредь подобными делами лучше заниматься как можно реже, а если уж придется — ни в коем случае не пачкать руки самому.

Ли Дун действовал с исключительной расторопностью и живо привел самого авторитетного во всей округе вольного лекаря. Седобородый старец с серебряными прядями внушил Гу Хаоцину еще больше доверия.

Старый лекарь, казалось, едва держался на ногах, но аккуратно опустил пальцы на запястье Гу Хаоцина и уже через мгновение отнял руку.

— Похоже, в последние дни вы изрядно переутомились, заметно сильное истощение.

— Верно.

<http://bllate.org/book/21685/2236751>